

A woman in a white dress is shown in profile on the left, looking out over a city at sunset. In the foreground, a vintage radio sits on a dark wooden cabinet. The background features a cityscape with a prominent mosque and a body of water under a dramatic, orange-hued sky. The title is written in a large, elegant script across the top.

*Даръ
Султанского берега*

Хэлен Аморе

Хэлен Аморе

Дочь Султанского берега

<https://litres.ru/74540914>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что определяет человека — кровь, память или вера?

Лена выросла в российской глубинке, но с колыбели видела во снах минареты и купола. Однажды в бабушкином сундуке она нашла старый платок с восьмиугольными звёздами — единственный след Прасковьи, прапрабабки, которую в юности взяли в плен и увезли в Константинополь. Так начинается путь длиною в несколько жизней.

Спустя века Лена принимает ислам, берёт имя Мариам и едет в Стамбул — не гостьей, а наследницей. Она идёт по следам Прасковьи: слушает азан с минаретов, молится в Голубой мечети, стоит на берегу Босфора и пишет письмо той, что спасла её, сама того не зная.

«Дочь султанского берега» — роман о памяти, которая живёт в крови, о двух берегах одной души и о возвращении домой, которое начинается задолго до рождения.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Часть I. ЧУЖАЯ СРЕДИ СВОИХ. Глава 1. Девочка с чужой душой.	6
Глава 2. Голос, который зовёт.	13
Глава 3. Бабушкин сундук.	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Хэлен Аморе

Дочь Султанского берега

ПРОЛОГ

Меня зовут Мадлен. В этом имени — два берега. Один — тихая река моего детства, Лена, данная мне при рождении. Второй — море моей души, Мариам, имя, которое я выбрала сердцем, когда услышала зов истины. Судьба сплела их воедино, чтобы я никогда не забывала: во мне течёт кровь двух миров.

Я родилась в России, среди берёз и пшеничных полей. Но сны мои были наполнены иным: шумом восточного базара, криками чаек над Мраморным морем, плеском фонтанов в мраморных двориках. Я чувствовала, что ноги мои идут по этой земле, а душа парит где-то над куполами, увенчанными полумесяцем.

Долго я считала это странностью, наваждением. Прятала видения, боялась признаться даже себе, что сердце откликается на призыв, звучащий не из этого времени и не из этого места. Но однажды перестала бороться — и позволила реке памяти унести меня к истокам.

Эта книга — не просто рассказ о смене религии. Это история о возвращении домой, которого ты никогда не виде-

ла, но всегда помнила. Исповедь женщины, прошедшей бо-
сиком по острым камням сомнений, чтобы в конце пути об-
рести мягкий ковёр веры.

Я пишу для тех, кто стоит на распутье. Для тех, кто чув-
ствует в груди зов, но боится сделать шаг. Для тех, кто ищет
не просто Бога, а путь к Нему — чистый от человеческих
искажений. И для тех, кто, как и я, однажды услышит в шуме
ветра голос своих предков.

Пусть Аллах, Всемиловитый и Милосердный, направит
каждого ищущего к свету.

*«Воистину, Мы создали человека и знаем, что нашепты-
вает ему душа. Мы ближе к нему, чем его яремная вена» (Ко-
ран, 50:16).*

**«Уа лякад халакна-ль-инсана уа на'ляму ма тууасви-
су бихи нафсух, уа нахну акрабу иляйхи мин хабли-ль-
уарид».**

Эти слова стали для меня откровением: Бог ближе, чем
моё собственное дыхание. И все мои метания были лишь по-
пыткой расслышать Его голос сквозь шум мира.

Часть I. ЧУЖАЯ СРЕДИ СВОИХ.

Глава 1. Девочка с чужой душой.

Самое раннее моё воспоминание — запах нагретого солнцем дерева. Мне четыре или пять лет, я сижу на крыше старого дачного дома, куда меня подсадил отец. Вокруг — бескрайние русские просторы: берёзовая роща, поле с ромашками, пыльная дорога, убегающая в никуда. Но я смотрю не на них. Я смотрю на закат, и в его оранжево-красных разводах мне видятся купола и минареты, которых я никогда не видела вживую.

Почему память выбрала именно этот момент? Были и другие: утренние купания в реке, первый велосипед, запах парного молока. Но осталось — это. Мгновение, когда маленькая девочка сидела на тёплой крыше, смотрела на уходящее солнце, а перед её внутренним взором вставали очертания города, которого нет на картах её детства.

Это не было игрой воображения. Слишком чёткими были контуры, слишком реальным — ощущение, что я уже видела эти купола. Что знаю, как звучит воздух в их тишине. Что мои босые ноги помнят прохладу мраморных плит.

— Лена, слезай, ужинать! — зовёт мама.

Я нехотя спускаюсь, цепляясь за нагретые доски, и в голове ещё звучит странная мелодия — протяжное пение, кото-

рое я не могу воспроизвести голосом, но которое почему-то кажется знакомым. Будто колыбельная, забытая при пробуждении, но осевшая где-то в клетках тела.

В детстве я была странным ребёнком. Это слово — «странная» — я слышала часто. Его произносили с разными интонациями: с удивлением, с осуждением, с лаской. Но смысл был один: я не вписывалась.

Пока сверстницы играли в куклы и дочки-матери, я просила у отца молоток и гвозди. Мне нравилось мастерить. Сначала — скворечники, неуклюжие, с кривыми стенками, но зато настоящие. Потом — полочки, украшенные вырезанными узорами. Потом — целые домики из фанеры и картона, с крошечными окнами и дверями, с лесенками и балкончиками.

Однажды я построила макет дома, который, как сказала соседка, «похож на турецкую баню». Я обиделась — не знала тогда, что такое Турция. Но позже, увидев фотографии османской архитектуры, вздрогнула от узнавания. Купола, арки, внутреннее убранство — всё это я уже создавала своими руками, не зная, что повторяю формы, придуманные за тысячи километров от моей деревни.

Ещё одна странность: я никогда не любила готовить. Пока бабушка пыталась научить меня печь блины и варить борщ, я сбегала в мастерскую деда. Там пахло стружкой и машинным маслом, и этот запах успокаивал, как колыбельная. Дед учил меня работать с деревом, и я часами вырезала узоры на до-

щечках. Мама удивлялась: «Откуда у девочки такая любовь к мужскому делу?» А я не знала ответа. Руки сами тянулись к инструментам, а в голове возникали эскизы, которых я не видела ни в одной книге.

Теперь я понимаю: это была память. Не моя — родовая. Память о мастерах, строивших дворцы и мечети. О женщинах, ткавших ковры и вышивавших шёлком. О людях, для которых красота была не роскошью, а формой поклонения Богу.

Моя властность тоже проявлялась рано. В играх я всегда становилась лидером, раздавала роли, придумывала правила. Мальчишки слушались меня, хотя я была младше многих. Взрослые говорили: «Характер — кремень». Но внутри я чувствовала, что этот характер нуждается в огранке, иначе он поранит и меня, и окружающих.

Мне не хватало смирения. Я не умела проигрывать, уступать, молчать. Спорила до хрипоты, доказывала свою правоту, не замечая, как раню людей. И в то же время внутри жила пустота, которую я не могла заполнить ни играми, ни общением, ни учёбой.

В семь лет я впервые задумалась о Боге. Мы с мамой стояли в церкви, пахло ладаном, мерцали свечи. Я смотрела на иконы и пыталась понять: почему я не чувствую того трепета, о котором говорят взрослые? Мне казалось, что Бог должен быть ближе, что Ему не нужны посредники. Что между мной и Ним не должно быть ничего, кроме тишины и ис-

кренности.

Но я молчала, крестилась и кланялась, как все. Не хотела огорчать маму. Она верила просто и глубоко, и её вера была частью её любви ко мне. Я не могла отнять у неё эту радость.

Ночью после того похода мне приснился сон: я иду по белому песку, впереди — синяя мечеть с золотыми полумесяцами. Я вхожу внутрь, снимаю обувь, и мои босые ноги ступают по мягкому ковру. Тишина. Только где-то высоко звучит голос, который я слышала на закате. Я просыпаюсь с мокрыми от слёз щеками, но это не слёзы горя — это слёзы облегчения, будто я нашла то, что долго искала.

Утром я рисую эту мечеть в тетрадке. Мама спрашивает: «Что это?» Я пожимаю плечами: «Просто дом Бога». Она улыбается и говорит, что это очень красиво. А я прячу рисунок под подушку, чтобы никто не увидел и не начал задавать вопросы, на которые у меня нет ответов.

Той осенью я пошла в первый класс. Школа стала испытанием. Я любила учиться, но ненавидела подчиняться правилам, которые казались глупыми. Мне было скучно сидеть за партой, когда хотелось бегать, строить, исследовать. Учителя жаловались на моё упрямство. Родители вздыхали: «Лена, ты должна быть как все». А я сжимала кулаки и думала: «Но я не как все. И это не плохо».

Я не знала тогда, что быть «не как все» — не приговор, а дар. Что именно эта инаковость приведёт меня к Исламу, к Стамбулу, к самой себе. Что именно она заставит меня ис-

кать Бога не в толпе, а в тишине собственного сердца.

В тот год я впервые услышала слово «Константинополь». Оно прозвучало из уст бабушки, когда она перебирала старый сундук.

— Это ещё от прабабки твоей осталось, — сказала она, доставая выцветший платок с замысловатым узором. — Её в плен взяли, в Турцию увезли. А потом она вернулась. Или не она... Кто ж теперь знает.

Я взяла платок в руки. Ткань была мягкой, но прочной. Узор напоминал звёзды, переплетённые в восьмиугольник.

— А кто она была, эта прабабка? — спросила я.

Бабушка замялась:

— Да кто ж теперь знает. Прасковьей звали. Или Прасковей-то её до плена звали, а там уже по-другому.

Больше она ничего не сказала, но в моей детской голове поселился образ: молодая женщина с русыми волосами, которую увозят на чужбину. Почему-то мне казалось, что она не плачет, а смотрит вперёд, сжав губы. И что в её глазах — не страх, а вызов.

С тех пор я часто доставала тот платок, когда никто не видел, прикладывала к щеке и пыталась уловить запах далёкой родины. Пахло старой шерстью и немного — травами. И ещё — морем, хотя откуда в сибирской деревне море?

К десяти годам я уже точно знала: со мной что-то не так. Вернее, во мне есть что-то, чего нет в других детях. Я не могла это объяснить, но чувствовала, что моя душа старше

моего тела, что она помнит вещи, которых я не переживала. Я пыталась заглушить это чтением, но книги только подпитывали мою фантазию. Особенно истории о путешествиях и древних цивилизациях.

Однажды в библиотеке я наткнулась на атлас мира. Открыла страницу с Турцией и замерла. Карта показывала Босфор, Мраморное море, город Стамбул. Моё сердце забилося так, что я испугалась. Я провела пальцем по контуру пролива и прошептала: «Я вернусь».

Это было похоже на клятву, данную неведомо кому. Я закрыла атлас и выбежала из библиотеки, словно совершила что-то запретное.

Тем вечером я долго стояла у окна и смотрела на небо. Звёзды мерцали холодно и далеко. Мне хотелось, чтобы одна из них упала, и я загадала бы желание: узнать правду о себе. Но звёзды не падали, и я решила, что найду ответ сама.

Так начался мой путь — путь, который приведёт меня к Исламу, к Стамбулу и к самой себе. Но тогда я ещё не знала, что каждый шаг этого пути уже предначертан. Что каждая моя странность была не случайностью, а знаком. Что моя душа не просто «старше тела» — она помнила дом, которого я ещё не видела, но который уже звал меня.

«Он — Тот, Кто показывает вам Свои знамения и ниспосылает вам с неба удел. Но поминают назидание только обращающиеся к Аллаху» (Коран, 40:13).

«Хууа-лязи йурикум айатихи уа йуназзилю лякум

мина-с-самаи ризкан; уа ма йатазаккару илля ман йу-ниб».

Знамения были повсюду. В закатах, в снах, в платке из бабушкиного сундука. Я просто ещё не умела их читать.

Глава 2. Голос, который зовёт.

Мне было пятнадцать, когда я впервые осознанно услышала азан.

Это случилось не в мечети, не в путешествии, не на экзотическом востоке, а дома — в маленькой комнате с выцветшим ковром на стене и старой радиолой, которая ловила волны далёких стран. Я сидела на полу, поджав под себя ноги, и крутила ручку настройки, как делала почти каждый вечер. Мне нравилось выискивать обрывки зарубежных станций, вслушиваться в чужую речь, ловить музыку, которая звучала ни на что не похоже.

И вдруг — сквозь шум помех, сквозь треск эфира — прорвался чистый, протяжный голос. Он не пел. Он провозглашал. Слова были незнакомы, но ритм проникал под кожу, будто я слышала это тысячу раз до рождения.

Я замерла. Рука застыла на ручке настройки. Внутри что-то дрогнуло — не страх, а узнавание. Так бывает, когда слышишь забытую колыбельную: ты не помнишь слов, не понимаешь смысла, но тело откликается раньше ума. Сердце начинает биться в такт. Дыхание становится глубже. И на глаза наворачиваются слёзы, причину которых ты не можешь объяснить.

Голос поднимался и опускался, как волна. Он не просил, не умолял, не угрожал. Он свидетельствовал. В нём была

странная, суровая нежность — будто сам воздух молился, будто небо обращалось к земле на языке, древнем, как само время.

Я не понимала ни единого слова. Но каждая клетка моего тела, казалось, понимала всё.

Когда голос стих, в комнате повисла звенящая тишина. Я выключила радио и долго сидела, глядя в одну точку на стене, где старый ковёр слегка выгорел от солнца. За окном шумел дождём обычный российский вечер. Где-то во дворе лаяла собака. Соседка грохотала посудой. Мир жил своей привычной жизнью.

А я сидела на полу и чувствовала, что во мне только что открылась какая-то дверь, о существовании которой я даже не подозревала.

Позже я узнала, что это был азан — призыв к молитве. Призыв, который пять раз в день звучит с минаретов по всему миру. Призыв, который не умолкает уже четырнадцать веков, переходя от города к городу, от рассвета к закату, как эстафета, передающаяся через поколения.

Но тогда, в тот дождливый вечер, я знала только одно: этот голос всегда был где-то внутри меня. Он ждал. И вот — дождался.

С того дня я начала искать. Не в библиотеках — вернее, не только в них. Я начала искать в самой себе. И чем глубже погружалась, тем яснее всплывали образы: высокие стены из серого камня, узкие улочки, стиснутые между домами, купо-

ла, похожие на шлемы воинов, башни с острыми шпилями, пронзающими небо.

Я не знала, что это Константинополь. Я просто рисовала эти картины на полях тетрадей, пока учительница истории рассказывала про Византию.

Византия... Как же мало нам о ней говорили! Учебники упоминали её вскользь, как погибшую империю, как фон для крестовых походов, как страницу, которую перевернули и забыли. Но меня тянуло к ней с непреодолимой силой. Я чувствовала, что за скупыми строками параграфа скрывается что-то огромное, живое, дышащее. Целый мир, который исчез, но не растворился.

Особенно волновал меня момент её падения. 1453 год. Султан Мехмед II, которому был всего двадцать один год. Огромная армия у стен города. Крепость Румелихисар, построенная на берегу Босфора за считанные месяцы. И — самое невероятное — корабли, которые султан приказал перетаскать посуху, чтобы войти в залив Золотой Рог, обойдя цепи, преграждавшие путь с моря.

Я перечитывала эти страницы снова и снова. В них не было для меня ничего чужого. Напротив, я чувствовала странную, необъяснимую гордость, будто речь шла о моих предках. Я знала, что корни мои — русские, что семья жила на этой земле веками. Но где-то в глубине пульсировала память о другом народе, о другой крови, о другой судьбе.

Однажды я наткнулась на гравюру с изображением осады

Константинополя. На переднем плане — шатры, знамёна с полумесяцем, воины в тюрбанах и доспехах. Я пригляделась и вдруг поняла, что один из военачальников, стоящий рядом с султаном, смотрит прямо на меня.

Конечно, это была лишь игра воображения. Гравюра — всего лишь линии, вырезанные на металле. Но в тот момент я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Будто сквозь века меня окликнули по имени.

— Кто ты? — прошептала я, склонившись над книгой.

Ответа не было. Но вопрос остался. И он требовал ответа.

В школе начались проблемы. Я всегда была упрямой, но теперь упрямство стало особенно заметным. Я спорила с учителями, отстаивала своё мнение, не умела промолчать, даже когда молчание было бы разумнее. Меня считали трудным подростком, но на самом деле я просто не вписывалась в рамки, которые казались мне тесными.

Я искала смысл — а мне предлагали зубрёжку. Я искала Бога — а мне говорили: «Верь, как все». Я хотела понять — а меня заставляли запоминать.

Я ходила в церковь, вставала перед иконами, но сердце молчало. Не потому, что я не верила в Бога — нет, я чувствовала Его присутствие постоянно, остро, до боли. Просто форма, в которую облекалась вера вокруг меня, не совпадала с моим внутренним ощущением. Мне казалось, что между мной и Творцом не должно быть ничего, кроме искренности. А я видела обряды, которые стали привычкой, слова, кото-

рые повторяли, не вникая, свечи, которые ставили не Богу, а для успокоения совести.

Я не осуждала. Я просто не могла так.

Именно тогда я впервые услышала слово «Ислам». Его произнёс одноклассник. Он рассказывал о своей вере спокойно и просто, без навязчивости. О том, что Бог — один. Что у Него нет сыновей и дочерей. Что каждый человек напрямую обращается к Нему, без посредников.

Его слова падали на благодатную почву. Но я сопротивлялась. В моём окружении Ислам воспринимался как нечто чужое, восточное, почти враждебное. Телевизор показывал только взрывы и войны. Соседи шептались о «басурманах». Я не могла даже представить, что когда-нибудь приму эту веру.

Но Всевышний вёл меня. Тонко, незаметно, но неотвратимо.

В ту же зиму мне в руки попала книга — перевод Корана на русский. Не помню точно, как это произошло. Кажется, я увидела её у кого-то из знакомых и попросила почитать. Или нашла в библиотеке, в отделе религиозной литературы. Или она сама нашла меня — так бывает, когда очень сильно ищешь.

Я открыла её тайком, ночью, при свете настольной лампы. Сердце колотилось, будто я собиралась совершить что-то запретное. Я боялась, что кто-то войдёт и застанет меня. Боялась объяснений, которых у меня не было.

И вот — первая сура. «Аль-Фатиха». Открывающая.

«Хвала Аллаху, Господу миров, Милостивому, Милосердному, Властелину Дня воздаяния! Тебе одному мы поклоняемся и Тебя одного молим о помощи. Веди нас прямым путём, путём тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших» (Коран, 1:1–7).

«Аль-хамду ли-Лляхи рабби-ль-алямин, ар-Рахмани-р-Рахим, малики йауми-д-дин. Иййака на'будуа иййака наста'ин. Ихдина-с-сырата-ль-мустахим, сырата-ллязина ан'амта аляйхим, гайри-ль-магдуби аляйхим уа ля-д-даллин».

Я прочитала эти строки несколько раз. Потом ещё раз. И ещё.

Они ложились на сердце, как целительный бальзам. Здесь не было ничего лишнего — только признание величия Бога и просьба о прямом пути. Никаких посредников. Никаких сложных догматов. Только Бог и человек. Только смирение и надежда.

Я закрыла книгу и долго сидела в темноте, прислушиваясь к себе. Внутри было тихо. Впервые за долгое время — тихо. Будто шум, сопровождавший меня всю жизнь, вдруг утих.

В тот момент я ещё не знала, что мой интерес к Османской империи и мой духовный поиск сойдутся в одной точке. Что история моей прабабки, увезённой в Константинополь, окажется ключом ко всей моей жизни. Что голос, услышанный по радио, и платок из бабушкиного сундука — звенья

одной цепи.

Но Всевышний уже ткал полотно моей судьбы. Нить за нитью. Стежок за стежком. И каждая нить была на своём месте.

На следующий день я подошла к маме и спросила:

— Мам, а ты знаешь историю жизни своей прабабушки?

Она удивлённо подняла бровь:

— А почему ты спрашиваешь?

— Просто интересно. Бабушка говорила про какую-то прабабку, которую в плен взяли... Какая она была?

Мама задумалась. Потом медленно произнесла:

— Говорили, что она из плена вернулась. Турчанка, что ли. Или нет... Славянка она была, наша. Но в Турции жила. В гареме каком-то. Давно это было, никто точно не помнит. А тебе зачем?

Я пожала плечами:

— Просто так.

Но внутри всё сжалось. Славянка. Гарем. Константинополь.

Круги начали сходиться.

Вечером я снова включила радио. Покрутила ручку, поймала обрывки станций. Но тот голос больше не возвращался. Может быть, эфир изменился. Может быть, время было другое.

Но я знала: он остался во мне. И однажды я услышу его снова — уже не по радио.

А вживую. С минарета. В городе, который ждёт меня уже

МНОГО ВЕКОВ.

Глава 3. Бабушкин сундук.

После того разговора с мамой я не находила себе места. Слова «славянка», «гарем», «Константинополь» звучали во мне, как три ноты, из которых складывается аккорд. Они не отпускали ни днём, ни ночью. Я просыпалась среди ночи и лежала с открытыми глазами, глядя в темноту, пытаюсь представить лицо женщины, о которой знала только одно: её увезли. И она вернулась. А может, и не она. Кто теперь скажет?

Через несколько дней я собралась и поехала к бабушке. Она жила в старом доме на краю посёлка — в доме, который сам был похож на сундук с воспоминаниями: скрипучие половицы, пахнущие воском, кружевные салфетки на столах, пожелтевшие обои с выцветшими цветами. В этом доме время текло иначе — медленнее, глубже, как река, уходящая в подземные пещеры.

Бабушка встретила меня на пороге, как всегда, с лёгкой тревогой во взгляде. Она была из тех женщин, которые чувствуют приближение разговора ещё до того, как он начался. И, кажется, она знала, зачем я приехала.

— Чаю? — спросила она.

— Да. И ещё... Расскажи мне про Прасковью.

Она вздохнула. Поставила чайник на плиту. Достала из буфета варенье — малиновое, густое, пахнущее летом. Потом села напротив, сложила руки на коленях и долго молча-

ла, глядя в окно.

— Сундук принеси, — сказала она наконец. — В чулане. Тяжёлый, осторожно.

Я пошла в чулан. Там, среди старой мебели, лыж и коробок с ёлочными игрушками, стоял он — сундук, обитый железом, с потемневшей резьбой на крышке. Я провела по ней ладонью. Дерево было сухим, шершавым, но под пальцами чувствовалась работа мастера — плавные линии, повторяющийся узор, похожий на виноградную лозу.

Я принесла сундук в кухню. Бабушка открыла его. Внутри пахло старым деревом, сушёными травами и временем.

— Вот, смотри, — говорила она, разглаживая на столе выцветший снимок. — Это моя бабушка. А это её мать. Твоя прапрабабка.

Я взяла фотографию в руки. Картон был плотным, с зубчатыми краями. На снимке — женщина в тёмном платке, повязанном не так, как у русских крестьянок. У наших повязывали низко, под самый лоб, закрывая брови. А у неё — иначе: по-восточному, с узлом на затылке, так что лицо оставалось открытым. Высокие скулы. Глубоко посаженные глаза. Взгляд — прямой, гордый, почти вызывающий.

Я смотрела на неё и не могла оторваться. В этом взгляде было что-то знакомое. Что-то, что я видела каждый раз, когда смотрела в зеркало.

— Её звали Прасковья? — спросила я.

Бабушка покачала головой:

— До плена — да, Прасковья. А там, в Турции, её по-другому звали. Не то Хюррем, не то Хасеки... Не помню точно. Но она вернулась. Через много лет. И с ней — мальчик. Или девочка? Запуталась я.

— Как вернулась? Из гарема?

— А вот так. Бывает, что и возвращались. Некоторые. Она, видно, из сильных была. Её сам Султан заметил. Или не сам... Кто ж теперь скажет.

Я слушала, затаив дыхание. Передо мной разворачивалась история, похожая на восточную сказку. Но от неё пахло не вымыслом, а сундучной пылью, старой шерстью и сладким запахом малинового варенья.

— А платок? — спросила я. — Откуда платок?

Бабушка развела руками:

— Оттуда. Из Турции. Она его с собой привезла. И ещё кольцо было, да потерялось где-то. А платок — вот он.

Она достала его со дна сундука. Тот самый, что я уже видела в детстве. Ткань мягкая, но прочная. Узор — восьмиугольные звёзды, переплетённые в бесконечный орнамент. Цвета выцветшие, но всё ещё различимые: глубокий синий, терракотовый, золотая нить.

Я прижала платок к груди. Он был тёплым, будто хранил тепло тела моей далёкой прародительницы.

Потом бабушка рассказала, что Прасковья была родом из южных земель — из тех мест, где степь встречается с небом, а горизонт кажется бесконечным. Её взяли в плен во время

одного из набегов. Тогда, в XVI—XVII веках, крымские татары и османы часто совершали рейды на русские и украинские земли. Они приходили внезапно, как буря: сжигали деревни, угоняли скот, уводили людей. Молодых девушек везли на невольничьи рынки — в Кафу, Константинополь, другие города. Там их продавали в гаремы.

— А сколько ей было лет? — спросила я.

Бабушка покачала головой:

— Кто ж теперь знает. Молодая была. Совсем девчонка.

Я попыталась представить: ночь, крики, огонь. Девочка, которую отрывают от матери. Дорога, которая длится неделями. Чужие лица, чужая речь, чужие руки. И ни одного знакомого слова, за которое можно ухватиться.

— Прасковье повезло, — продолжала бабушка, — или не повезло, кто знает. Она попала в султанский дворец Топкапы. Её красота и ум привлекли внимание, и она стала наложницей. Потом — выше. Родила сына. Или дочь. Данные расходились.

— А как она вернулась? — допытывалась я.

Бабушка пожимала плечами:

— Говорят, её отпустили. Или сама сбежала. Или обменяли. Войны тогда часто были, пленных меняли. Но она вернулась уже не русской. Турчанкой. В платке этом. И молилась по-своему, тайком.

Я смотрела на платок и видела в его узоре отражение своей души. Восьмиугольные звёзды, переплетённые линии,

строгая симметрия. Это было искусство народа, который умел превращать хаос в порядок. Народа, который верил, что каждая линия, каждый узел, каждый стежок имеет смысл.

Восьмиугольник. Сельджукская звезда. Символ восьми ворот рая.

Я разложила платок на коленях и провела пальцем по вышивке. Стежки были ровными, плотными. Шёлк. Серебряная нить. Такая работа стоила дорого. Такие вещи не покупали на рынке — их заказывали у лучших мастериц.

— Бабушка, — сказала я медленно, — а ведь этот платок — не простая вещь. Он из дворца.

— Ну и что? — она пожала плечами. — Дворцовый так дворцовый. Она его до конца дней берегла. И мне наказывала беречь.

— А почему?

Бабушка задумалась. Потом тихо сказала:

— Она говорила, что это память. Что, пока платок цел, — и она жива. Не сама, а что-то в ней. Какая-то часть. Я не понимала. А теперь, видно, понимаю.

Я смотрела на бабушку. У неё были выцветшие, но всё ещё ясные глаза. И в них отражался свет из окна — мягкий, осенний.

— А кольцо? — спросила я. — Ты говорила, было кольцо.

— Было. Да потерялось. Ещё у её дочери. А может, у внучки. Никто уже не помнит. Только платок и остался. И вот, фотографии.

Она снова полезла в сундук. Достала пожелтевшие письма, обрывки каких-то документов, старые открытки. Всё это пахло временем. Я перебирала бумаги, всматривалась в размытые строчки, пыталась вычитать хоть что-то.

В одном из писем упоминалось имя: «Айше». Или «Айшель»? Буквы расплылись, чернила выцвели. Но что-то дрогнуло во мне. Айше. Это имя звучало так, будто я слышала его раньше. Во сне? В той самой мелодии, что звучала над крышей старого дома?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.